

на крыльце и промерз до костей, пока увидел наконец среди белой улицы белые зипуны мужиков и всего ярче — белый гроб. Он был открыт — ледяной ветер развеивал волосы покойника. Маленькая церковка наша вся промерзла до самого побелевшего иконостаса — и особенно резко застучали в ней наши шаги. Одно солнышко, золотым лучом проникая в придел, освещало убогое великолепие храма. И от холода и боли сжалось во мне сердце, когда потекли струи фимиама, и дрогнул голос при первом звуке молитвы! Слезы мои падали на антиминос, и чаша с дарами во мгновение примерзала к устам, обжигая их...

28 февр.

Ничего, кажется, уже 28... Где буду в марте, где буду через год, через два, через десять — не знаю. Все равно. Не хочу и глядеть вперед. Грустно мне только, грустно, как давно не было!..

Все еще один, и болезнь моя, и тишина в доме погружают меня иногда в забытье. Тогда лучше. Под вечер, когда один-одинешенек лежу в постели и свет позднего солнца наполняет всю комнату, на душе даже хорошо становится. Я думаю...

— Ах, да нет! — Как изменилось все кругом! Шумно, в блеске солнца уже идет по лесам мартовский, свежий, веселый ветер. И леса почернели, но по-весеннему, по-новому. По-весеннему, ослепительно блестят покрытые золотой слюдой снега. Тает, весна!.. И скоро еще веселее и роскошнее будет в лесах — зашумят березы, налетят птицы — когда же, наконец, когда придут сюда люди?

<1893—1895>

«Орловский вестник», 1895, № 151, 11 июня. Подпись: Ив. Бунин.

Воспроизведено (со значительными неточностями): «Радуга», 1968, № 9.

В 1893 г. Бунин предложил этот рассказ в «Мир божий». 6 ноября 1893 г. издательница журнала А. А. Давыдова писала ему: «Очерк ваш „Из дневника священника“ я вам отослала. К сожалению, он нам был неподходящий. Очень он, голубчик мой, отрывочек, — простите за откровенность, — на меня произвело впечатление, что это неоконченная вещь. А задумано — чудесно! И следовало бы вам поработать над ней» (ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 97, л. 1). Был ли рассказ переработан после этого, неизвестно.

О МИЛЫХ ЛЮДЯХ

В юности, читатель, меня очень интересовали дураки...

Не улыбайся, — право о них стоит подумать... Да, так вот я говорю, они очень занимали меня. Я с одинаковым удовольствием любовался и на старых, и на молодых, и на толстых кретиннов, и на худых, долговязых идиотов. Мне нравилось наблюдать, как старый дурак постоянно гордится тем, что он женат и что он чистокровной породы; как он любит подарки, мятные пряники и произведения искусства — в часы досуга; как он всем дает понять, что он если и не блещет красотой теперь, то еще очень представительен. Нравилось мне, как гордился молодой дурак, говоря, что у него вся жизнь впереди, то есть, что он тоже будет женат и будет любить пряники и прибавит народонаселения...

Да, я любил их, читатель, любил до того, что даже не пренебрегал дурачками-отроками, теми милыми мальчиками в нечищенных сапогах, у которых карманы панталончиков набиты грязным носовым платком, перочинными ножами, резинками, крошками хлеба и у которых такой изуми-

тельный аппетит и такие добрые, признательные глаза, когда они, ложась подбородком на стол, тянут чай и попутно фыркают от смеха.

Я даже начал писать им дифирамбы... Но дураки срезали меня:

— Гы... гы... — сказали они в один голос, оглядываясь с блаженными лицами друг на друга, предвкушая сладость своего остроумия:

— Гы... а дурак-то... сам... сам автор!

Да, с ними шутить нельзя!..

Но потом — это-то еще бы ничего! — потом я встретил такую разновидность этой милой породы, что крепко задумался. Я встретил «злого» дурака! О, читатель, бойся злого дурака! Злой дурак не чета другим. Злой дурак гордится не тем, что он женат, а тем, что он — гений. Он видит, что кругом него рукава жуют, а он не жует и понимает, что он среди других — гений. Думают так же и многие посторонние. Да и в самом деле! — посмотри, какой иронией светятся свинные глазки этого гения под наплывшим лбом.

Однако этот тип заставил меня обратить внимание уже <на> негодяев.

Ты знаешь их, читатель; ты знаешь, конечно, и простых негодяев, и негодяев «честных», тех рыцарей чести, каждый из которых зарежет тебя, если ты украдешь копейную булку, и убьет тебя на улице, если увидит, что ты невежливо посторонился от дамы, после чего пойдет гулять в веселое заведение на окраину города... Ты таких знаешь.

Ты посмотри на негодяя новейшего. Это — венец творения.

Какой же он?.. Ах, читатель, я могу сказать о нем только два слова. Его надо видеть. Он делает скверности направо и налево. Но он убежден, что глубина его души, именно глубина — чиста, как лазурь весеннего неба. И главное — это его великий ответ, который он изобрел для всех, когда ему говорят о его «делах». Этот ответ, как все великие вещи, изумительно прост, но так силен (чары какие-то в нем, — право!), что уже все, все верят теперь, что он, этот простой ответ, все и вся, всегда и всюду оправдывает и разъясняет.

— Ты негодяй!.. — начинает некто, встречая этого «субъекта с ответом», — начинает с пеной у рта, кипя благородным негодованием и презрением.

Тут-то и следует «ответ». Негодяй смотрит спокойно, с достоинством, но и загадочно.

— Знаю, — наконец изрекает он. — Знаю отлично все, что я сделал.

— И все-таки?

— И все-таки.

Гробовое молчание и изумление!

Но какая сила, какое загадочное спокойствие в этом ответе! Уж куда, кажется, проще? Но нет, не просто все это.

Этот ответ совершает в тебе целый переворот. Как рассказать его? Не умею. Но знаю, что человек одурачен, вполне одурачен.

— Да, да, — бормочет он. — Он знает...

И вопрошающему начинает чудиться, что в негодяе сидит не одна наглость, а что-то другое, высшее, загадочное.

— Ведь он знает, знает... Почему же?

Вопрошавший в недоумении. А негодяй уже уходит, посвистывая.

Ларчик открывается просто, но...

Но будет! Мне уже кажется, читатель, что где-то там начинается что-то вроде «Сна Татьяны»...

<1895>

«Орловский вестник», 1895, № 202, 2 августа, в составе цикла «Маленькие сказки И. А. Бунина» (I. «В летний вечер». II. «О милых людях»).

Воспроизведено (с некоторыми неточностями): «Радуга», 1968, № 9.